

...БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ

ЗВЕЗДНЫЙ ДУЭТ

...СНАЧАЛА мы увидели ее по телевизору. Маленькую, хрупкую, в платье-облачке, что вылетела на сцену, как и выступавшие до нее сверстницы, с покровом легчайших надежд. И вдруг мы прильнули к экрану, пристально стали следить за каждым движением, исполненным вдохновения, необыкновенной пластики и особой какой-то грации; грации гадкого утенка, только что превратившегося в прекрасного лебедя и радостно переживающего это свое превращение.

Шел Всесоюзный конкурс артистов балета. И выступление на нем никому не известной девочки из Перми напоминало взлет кометы. На телевидение пошли письма — расскажите о Наде Павловой. Ее воспринимали, как чудо, сенсацию, обещание яркой судьбы...

Обещания сбываются не всегда. Но на этот раз яркая судьба действительно состоялась. Через некоторое время в дуэте с прекрасным солистом Большого театра Вячеславом Гордеевым мы увидели не просто очаровательную танцовщицу-подростка — умелую, ни на кого не похожую балерину. И сейчас, во Владивостоке, перед нами предстал уже мастерский дуэт, завоевавший мировое признание.

Вот о том, как складывалась творческая биография дуэта, мы и попросили рассказать Надежду ПАВЛОВУ и Вячеслава ГОРДЕЕВА при встрече.

— Для начала — вопрос традиционный. Как вы пришли в балет?

Павлова: Я просто любила танцевать. Как только слышала музыку — по радио, на пластинках, — начинала носиться по комнате или вертеться перед зеркалом. Наконец, родителям это надоело, и меня в 8 лет отвели в маленькую хореографическую студию при Чебоксарском Доме культуры. А когда мы переехали в Пермь — мне как раз исполнилось 10 лет, — я уже сама настояла, чтобы меня отдали в Пермское хореографическое училище. До сих пор вспоминаю его с благодарностью.

Гордеев: А я занимался в московском клубе «Красный Октябрь», когда однажды к нам на концерт пришел солист Большого театра, посмотрел наши выступления и посоветовал мне поступать в хореографическое училище. Признаться, учебная давалась мне сначала с трудом. Не хватало усидчивости, терпения: все мальчишки мяч гоняют, а тут: «плие, жоте, гран-батман...». Но потом — втянулся...

— А как возник ваш дуэт?

Гордеев: Мы познакомились с Надей на Всесоюзном конкурсе. Я тогда уже был солистом Большого театра, чувствовал себя уверенно, на новичков поглядывал свысока. И тут среди участников пошли толки: появилась талантливая девочка из Перми. Я решил, что надо посмотреть на Wunderkind. Захожу, а в балетном классе занимается кроха — худенькая, тоненькая — и балетмейстер, как строгая учительница, ее отчитывает. Даже жалко стало... Зато на конкурсе «кроха» себя показала. Юрий внимательно следил за выступлениями солистов и внесло предложение объединить нас в дуэт. На международный конкурс мы поехали уже вместе. Там неожиданно пришел успех: Наде завоевала Гран-при, и мы вместе — по золотой медали.

— Теперь вопрос к Наде: легко ли молодому исполнителю оказаться в театре с такими богатыми традициями, раскрепощает или сковывает многовековая его история?

— Конечно, освоиться в Большом театре было не просто, особенно мне. Ведь я оканчивала Пермское училище, а там — совсем иная балетная школа, отличная от московской. Многому пришлось переучиваться. И тут не знаю, как бы я справилась без помощи прекрасных педагогов — Семеновой, Варламова. Мешал еще и психологический барьер: страшно выходить на сцену, зная, что до тебя на ней танцевали Анна Павлова, Уланова, Плисецкая...

Но вот вы упомянули о традициях — они-то как раз и выручают. Дело в том, что в традиции Большого театра — не нивелировать танцовщицу, а развивать ее индивидуальность, искать не

черты сходства, а черты различия. Техника, которая оттачивалась в Большом веками и передавалась из поколения в поколение, — здесь только могучее подспорье.

А моя задача упрощалась еще тем, что у меня с самого начала был опытный, знающий партнер. Дуэт — это ведь не просто исполнение движений в такт. Это и соответствие взглядов, темпераментов, пристрастий в искусстве...

— И каковы пристрастия в искусстве вашего дуэта, который критики называют

ночи, и, признаться, на особый успех не рассчитывали. А когда смолкли последние такты па-де-де из «Дон Кихота», древний театр вдруг буквально взорвался аплодисментами. Четыре раза мы «бисировали». А после программы к нам подходили незнакомые люди, жали руки, высказывали одобрение: они видели в нас представителей Советской страны, провозглашающей в первую очередь гуманизм.

Гордеев: Действительно, выступая за рубежом, чувствуешь себя полпредом страны. И потому каждый раз нужно доказывать не только свое мастерство, но и представлять как бы все советское искусство. Помню, мы выступали в Вероне со спектаклем «Ромео и Джульетта» на открытой сцене, когда вдруг разразился страшнейший ливень. Намок половник, растянутый на сцене, «потекли» декорации. Администрация предложила нам закончить выступление. Но зрители, 20 тысяч человек, свернули свои — бесполезные теперь зонтики и не уходили. Мы решили про-

дуэтом широкого диапазона?

Гордеев: Мы танцуем в спектаклях самых разных стилей. Но мне кажется, танцовщик проявляется в первую очередь в его отношении к классике. И мне, и Наде была привита любовь к классическому танцу, и мы остаемся ей верны. Нам доставляет удовольствие исполнять светло-печальную «Жизель», яркого, искрящегося весельем «Дон-Кихота», лирично-проникновенное «Лебединое озеро», задорного «Щелкунчика». Здесь нам очень близка хореография Григоровича, создавшего своего рода театр в театре и наполнившего спектакли яркой эмоциональностью, образностью... Гастролируя за рубежом, мы видим, что именно эта светлая, жизнеутверждающая струя, искренняя, доверительная интонация, утерянная многими зарубежными хореографами, и привлекает зрителей, уставших от страстей супермодерна.

— Какие же выступления за рубежом оказались для вас самыми памятными?

Павлова: Летом 1982 года мы выступали на фестивале хореографического искусства в Сполето. Фестиваль напоминал «марафон» — программы начинались утром и заканчивались поздно ночью. В этот итальянский городок съехались многие звезды мирового балета, и почти половина из них представляла современный репертуар. Мы выступали последними, в час

должать.

Когда на заключительные поклоны на сцену вышли Григорович, дирижер Юрий Райтис, художник Вирсаладзе, зал встретил их овацией. Крики «браво» заглушали рев бури. Аплодировали не просто искусному спектаклю — стойкости советских артистов, их преданности своему искусству...

— Последний вопрос — о вашем будущем. Я знаю, что Надежда уже сейчас окончила ГИТИС, имеет диплом педагога. Вячеслав — выпускник МГУ, факультета журналистики, пробует себя в режиссуре. Что это — ранняя подготовка к неизбежному «отступлению» от сцены?

Гордеев: Скорее, к наставлению. Мы не собираемся покидать подмостки, а учеба, режиссура нужны для того, чтобы полнее раскрыть себя, лучше узнать свои возможности. Сегодня артист балета не может замыкаться в узких рамках совершенствования техники. Он или идет в своих знаниях вперед, или невольно откатывается назад. Мы должны вести с публикой серьезный, наполненный диалог. Для этого нужно расти — и технически, и духовно. Ведь зритель, приходя на спектакль, не хочет видеть нас вчерашних, он хочет видеть нас — сегодняшних, а еще лучше — завтрашних...

Беседу вел Н. БАРАБАШ.
НА СНИМКЕ: Надежда ПАВЛОВА и Вячеслав ГОРДЕЕВ.

Фото Ю. Луганского.